

УДК:314.7+325.1+327

МАМАДАЗИМОВ А. ¹

МИГРАЦИЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО ФОРМИРОВАНИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

В настоящей статье исследуются вопросы миграции иранских племен в обширных территориях Евразии и их отношения с племенами, которые проживали в Монголии и в Северном Китае. Продолжительная борьба сакских (скифских) племен с гуннами, которые одновременно вели войны с древними китайскими империями. В итоге они были вынуждены откочевать далеко на запад и их поиск со стороны китайцев привел к возникновению шелкового пути.

Ключевые слова: саки, скифы, гунны, археологические материалы, миграция племен.

На обширных ареалах евразийских степей, от реки Дунай на западе и верховьях Хуанхэ на востоке, с древнейших времен обитали многочисленные иранские племена (скифы, саки, массагеты, сарматы, туры и многие др.), которых связывала древняя «Скифо-сакская дорога». А на юго-востоке этого кочевого ареала «Нефритовый путь» связывал саков- кушан (кит. юэчжи) с древнекитайским государством Цинь. По мнению известного российского тюрколога С. Г. Кляшторного, - «эпоху господства в азиатском ареале степей саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое, содержание, - «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае на весу кочевой мир Евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (скуда или шкуда, более поздняя форма с показателем множественного числа – сколоты). Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX- VIII вв. до н. э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н. э. [7, 37].

Эти скифо- сакские племена не только вели традиционный кочевой образ жизни вдоль древней торговой дороги, тянувшейся от северо-восточных берегов Причерноморья до южных склонов Алтайских гор, а нередко, возможно, из-за природных катаклизмов (засухи, джута (обильного снегопада)

¹ Адрес для корреспонденции: Мамадазимов Абдугани – докторант ТНУ. 734024. Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти 21/13 кв 78. тел. 985305070

или эпизоотии), потеряв свое основное богатство – скот, вторгались в пределы оседлых народов. Отголоски первых этих набегов грозных кочевников-киммерийцев, известны со времен ассирийской державы. «Поход на Вавилонию, предпринятый в 720 г. (до н. э. – М. А.), оказался неудачным: ассирийцы потерпели поражения. Зато в Сирии они разбили силы коалиции и вернули отпавшие было провинции, пройдя затем всю Палестину до египетской границы. Между тем и на севере обстановка была серьезной. Кроме Урарту там появился новый страшный враг – отряды киммерийцев, пришедшие из-за Кавказа. Впрочем, они представляли более непосредственную угрозу для самого Урарту. Видимо, Саргон (ассирийский царь Саргон II – М. А.) воспользовался тем, что киммерийцы нанесли урартам поражение, немедленно выступил в поход (714 г. до н. э.)» [3, 235].

К этому времени согласно мнению С. Г. Кляшторного происходят кардинальные изменения в традиционном образе жизни кочевников, – «главным прорывом века бронзы, из мира авестийских ариев – в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользованные ранее междуречные степные пространства» [7, 48].

Известный российский иранист-лингвист В. И. Абаев на основе лингвистических данных определяет основные периоды распада огромной индоевропейской семьи языков и миграции их носителей на восток и юго-восток. Он подчеркивает, – «I тыс. до н. э. 1-я половина. Часть скифов в составе крупного племенного объединения просаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая. Одновременно или раньше обосновываются в Средней Азии также бактрийцы, согдийцы и некоторые другие племена, принадлежащие к той же северной группе ираноязычных народов» [1, 37].

О важности данного периода для исследования самой восточной части скифо-сакской ойкумены подчеркивается и в исследованиях других ученых, которые отмечают: «Проблема этнической и культурной истории Восточного Туркестана (Таримского бассейна Китая – М. А.) в I тыс. до н. э. (по археологической периодизации – в раннем железном веке) имеет принципиальное значение для воссоздания общей картины исторических судеб этого региона. Дело в том, что именно данный период – эпоха, когда, впервые в мировой истории обширное пространство Евразии, в том числе в определенной мере и центрально-азиатские общества, попадают в поле зрения носителей письменных цивилизаций – древнеперсидской, ассирийской, античной, индийской, китайской. Это обстоятельство обеспечивает существование, хотя малочисленных и фрагментарных, но все же весьма существенных письменных свидетельств об обитателях Евразии, об их этнической и географической номенклатуре, о некоторых фактах их истории. Таким образом, I тыс. до н. э. можно рассматривать как начало исторического периода в жизни всей Евразии, и в частности Восточного Туркестана» [4, 156].

Влияние североиранских племен на судьбы мировых империй древности в последующем также было существенным, поэтому они попали в поле зрения ахеменидских дворцовых хроник, увековеченных в наскальных надписях, в исторических трудах «отца истории» Геродота, а также в древнекитайских

дворцовых хрониках. Широко известно, что основатель первой мировой империи- державы Ахеменидов (550-330 гг. до н. э.) Кир Великий погиб в своем восточном походе против массагетского союза племен (пр. в 530 г. до н. э.), а другой яркий представитель этой династии Дарий Великий (пр. 522-486 гг. до н. э.) организовал, в основном, безуспешный военный поход против саков- скифов на северном берегу Дуная. Общеизвестно, что великий историк утверждал, что «персы всех скифов называют саками» [Геродот, VII, 64].

В ахеменидских скальных клинописных надписях (Бехистунской надписи и надписи в Накши Рустаме и т. д.) приводятся имена ряда сакских племен – саки- тиграхауда (саки, в остроконечных колпаках), саки парадрайа (саки, за рекой или заморские саки), саки за Согдом, саки- хаомаварга (саки, почитающие хаому- священный напиток зороастрийцев) [2, 92-96].

Скудость письменных источников порой дополняется археологическими данными, которые в рассматриваемом случае актуализирует интерес к «скифской триаде»- тип вооружения (включая известную скифскую стрелу), конский убор и знаменитый «звериный стиль».

Как подчеркивает тюрколог С. Г. Кляшторный: «На большей части центрально-азиатского региона основой хозяйственной деятельности стало полукочевое и кочевое скотоводство (кони, быки, овцы, верблюды), сочетавшееся с примитивными формами земледелия и охотой. Лишь в оазисах Восточного Туркестана, прежде всего в бассейне реки Тарим, сложилась на базе ирригационного земледелия оседлая культура. Племена, населявшие тогда Центральной Азии и Южной Сибири, освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, конские повозки, а затем и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Облик «предскифской» и «скифской» культур Центральной Азии восстанавливаемый археологами, дополняется письменными текстами, созданными в древнем Китае» [7, 37].

«Отец китайской истории» Сыма Цянь собрал большинство ранних исторических повествований, изложенных на черепашьих панцирях, лопаточных костях животных, бронзовых сосудах, бамбуковых дощечках и своим сочинением «Исторические записки» («Ши цзи») создал нормативную китайскую историографию. Его сочинение («Ши цзи») описало не только внутреннюю жизнь древнекитайского общества и государства, а также его взаимоотношения с соседями- кочевыми племенами. Сто десятая глава его сочинения под заголовком «Повествование о сюнну» («Сюнну ле чжуань») была, преимущественно, посвящена описанию взаимоотношения с этими грозными северными соседями- сюнну (гуннов) и их предшественников и соседей.

В самом начале своего повествования о северных кочевниках он подробно описывает их традиционный образ жизни: «Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, однако у каждого имелся отведенный ему участок земли. У сюнну не было письма, и все договоры заключались в устной форме. Мальчики у них умеют ездить верхом на козлах, стрелять из лука в птиц и мышей; юноши постарше охотятся на лисиц и зайцев для употребления их в пищу. Зрелые мужчины, которые в состоянии натянуть лук, все становятся конными латниками» [6, 323].

Дале он подробно излагает о жестком противостоянии между древнейшими китайскими государственными образованиями (включая дома Чжоу) с северными «варварскими» племенами (*жун* и *ди*) с древнейших времен [6, 323-326].

Тюрколог С. Г. Кляшторный допускает, что «возможно, часть племен *ди* относились к кочевникам «скифского» круга, что археологически засвидетельствовано находками бронзовых изделий- великолепными памятниками, «скифского» искусства Ордоса и Внутренней Монголии» [7, 55]. Другими словами племена *ди*, вполне возможно, относились к одному из восточноиранских сакских племен.

Опираясь на исследования известного американского ученого древнекитайской цивилизации Хэрли Крила, С. Г. Кляшторный допускает, что название *жуны*, подобие *киммерийцев* в Среднем Востоке, могло иметь значение «военной, вооруженной» группы. Он подчеркивает: «Владения Чжоу граничили с жунами и *ди* прежде всего в излучине Хуанхэ (Ордос) и примыкающих к излучине землях. Северо-западное направление уже в эпоху Инь считалось особенно опасным, недаром название Страна (сторона) демонов «появилась в XIV- XIII вв. до н. э. Там, в горностепной стране, простиравшейся в неведомую и страшную даль, по представлениям жителей» великого города Шан и земледельческой долины Желтой реки (р. Хуанхэ- М. А.), могли обитать только «варвары с сердцами шакалов и волков». Следовательно говорить, что собственное название *жун* поначалу видимо имело значение «военный» и лишь потом стало использоваться применительно к народу. И действительно, варвары- жуны славились своим боевым духом и воинственностью. Вместе с тем, это название означает самые разные племена, некоторым из «которых была свойственна оседлая жизнь» [7, 57].

В рассматриваемой главе (гл. 110) исторического труда Сыма Цяня описывается примерно 800-летняя история сложных взаимоотношений между древнейшими китайскими государственными образованиями и северными кочевыми народами, которые не ограничивались только набегами кочевников и их отражением, а также ответными карательными походами. Они известны примерами широких возможностей: примерами привлечения варваров в междоусобные войны, совместных с ними походов против соседнего княжества, брачной дипломатии, приграничной торговли, налогообложения, заимствования традиций и обычаев друг друга, строительства новых пограничных поселений, сооружения крупных защитных фортификационных сооружений и многое другое [6, 323-326].

К времени «Сражающихся царств» и образования первой китайской империи – Цинь, согласно записям Сыма Цяня этнополитическая ситуация на севере Китая, в Великой степи, кардинально изменилась, так как вместо старых племен (*жунов*, *ди* и др.), появляются новые (*сюнну* и *юечжи*). «В это время племена дунху усилились, а племена юэчжи достигли своего расцвета. У сюнну шаньюя (правителя- М. А.) звали Тоумань. Будучи не в силах одолеть Цинь, он перебрался на север» [6, 327].

Как подчеркивает тюрколог С. Г. Кляшторный: «В IV в. до н. э. китайцы впервые называют гуннов (сюнну- М. А.) среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннских объединении оказались в это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе

соседями гуннов были юэчжи – восточноскифские (сакские и сарматские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья, Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель» [7, 59-60].

По утверждению этого исследователя различные работы российских и монгольских археологов дополняют и конкретизируют сообщения письменных источников, куда, на наш взгляд, можно с уверенностью включить и «Исторические записки» Сыма Цяна.

«Раскопками обнаружены,- пишет он,- два типа культур скифского круга (I тыс. до н. э.). Один тип представлен культурой плиточных могил и оленными «камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землях плоских каменных плит, образуя прямоугольный ящик. Погребаемых клали головой на восток, вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специальными предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часть-кости коня...

С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников, «оленные камни»- каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в легучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов- боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть этих предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах, находки железных предметов там крайне редки» [7, 60].

Далее автор проводит границу между этими разновидностями археологических комплексов: «Культура плиточных могил распространена огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает на степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хингайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитой гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан» [7, 60]. Согласно ему эти (две) разновидности археологических культур распространяются также и на расовые различия захоронений: «Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах- европеоиды. В III-II вв. до н. э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый» [7, 60].

В итоге своего исследования этот специалист, накладывая эту археологическую карту на сведения письменных источников приходит к следующему логическому заключению, «что носители культуры плиточных могил были племена жунов и дунху, культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемых V-III вв. до н. э. принадлежали сакским и сарматским племенам –юэчжам и усуням» [7, 60].

Утверждение древнекитайского историка о том, «что юэчжи достигли расцвета», вероятнее всего, свидетельствует о том, что саки-кушаны (юэчжи),

проходя продолжительную эволюцию, к началу противостояния с гуннами уже имели структуру архаической кочевой империи.

Выход на политическую авансцену на востоке Великой степи двух новых могущественных племенных объединений- *саков- кушан (юэчжи)* и *гуннов (сюнну)* произошло после смены европеоидных племен *ди* первыми, а монголоидных *жунов* вторыми.

Одним из дискуссионных положений саков-кушан (юэчжи) является их лингвистическая идентификация. Большая часть исследователей относят их, несомненно, к скифо-сакской языковой общности, а другие считают их носителями тохарского (индоевропейского) языка. Как подчеркивает С. Г. Кляшторный: «Столь крупный исследователь древности Внутренней Азии как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г. Хэлоуном решительно связывают юэчжей со скифо- сакской этнокультурной общностью» [7, 63].

Согласно этому исследователю: «Более определенное суждение об этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы, возможно, получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название «бактрийского». Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юэчжи-тохары? По мнению В. А. Лившица, речь может идти только о «сакском диалекте кушан», прямо связанном с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой» [7, 64].

Поэтому мы, солидаризуясь с мнением известного лингвиста-ираниста В. А. Лившица, будем именовать племена «юэчжи» в наших исследованиях иранским именем «саки- кушаны», которые относились к огромному скифо-сакскому миру. Они продвинулись к самой восточной окраине этого мира и попали в поле зрения китайских дворцовых хроник под китайским названием, возможно, как «народ из Нефритовой горы (Юйшан)».

Появление саков-кушан (юэчжи) на территории Внутренней Монголии, близко к Ордосу (северный берег Хуанхэ) российский исследователь, опираясь на научные изыскания западного ученого Эммы Банкер, отмечает: «Только к юэчжи можно соотнести многочисленные находки в Внутренней Монголии, блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, датируемых IV в. до н. э. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствует некоторые «трофеи» пазырыкских вождей, но и на далекой Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами» [7, 64].

Другими словами, архаическая кочевая империя саков-кушан (юэчжи), по сути, была первой преградой на пути мощной экспансии гуннов на оседлые земли, выступая как естественный союзник оседлого Китая, переживающего стремительный процесс консолидации.

На начальном этапе данного противостояния военно- политическая инициатива была на стороне саков-кушан, так как они «смотрели с презрением в сторону сюнну (гуннов)» (Сыма Цянь), что свидетельствует среди прочего и

о превосходстве в государственном управлении у первых. Как подчеркивает специалист: «Они первыми создали в центрально-азиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель, располагавший войском до 100 тыс. всадников» [7, 83] [Кляшторный, 2004, с. 83].

Поиск саков-кушан (юэчжи), откочевавших на далекий запад (Вароруд) под натиском воинствующих гуннов, со стороны императорского двора Ханьской империи в конечном итоге привел к возникновению шелкового пути.

Адабиёт

1. Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. – М. МГУ., 1972.-С. 37
2. Ғафуров. Б. Ғ. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби якум. Душанбе, «Ирфон». 1998.-С. 92-96;
3. Дьяконов И. М., Янковский Н. Б., Новоассирийская держава // Т. 1. Восток в древности.- М., Вост. лит. 2009.-С. 235.
4. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век/ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. –М., ИВ РАН, 1988. С. 156.
5. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: Вост. лит., 2002.-С 323.
6. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: Вост. лит., 2002.-С 323-326.
7. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004.-С. 55

МАМАДАЗИМОВ А.

МИГРАТСИЯ ВА ВАЗЪИЯТИ ЭТНОПОЛИТИКӢ ДАР ОСИӢИ МАРКАЗӢ ТО ТАШАККУЛӢБИИ ШОӢРОӢИ АБРЕШИМ

Дар мақолаи мазкур масоили мигратсияи қабिलाҳои эронинаҷод дар минтақаҳои паҳновари Авросиё ва муносибати онҳо ба қабिलाҳои, ки дар Муғулистон ва шимоли Хитой ҳаёт ба сар мебуданд, тадқиқ карда мешавад. Муборизаи шадидаи сақоӣ бар зидди қабिलाҳои гунӣ, ки дар як вақт бо Хитой низ мубориза мебуд, сабаб шуд, ки онҳо ба ғарб кӯч бастанд. Масоили дарёфти ин қабिलाҳои эронитабор аз тарафи давлати Хитой сабаб шуд, ки шоҳроҳи абрешим оғоз ёфт.

Вожаҳои калидӣ: сақоӣ, скифҳо, гунҳо, маводи бостонӣ, мигратсияи қабिलाҳо, Хитой, Эрон, Шоҳроҳи абрешим, Осии Марказӣ.

MAMADAZIMOV A.

MIGRATION AND THE ETHNO POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA BEFORE THE ESTABLISHMENT OF THE SILK ROAD

The theme of the research in this article is problems of the migration ways of the Iranian nomadic tribes in great Eurasian steppe and they connection with another tribes in Mongolia and north part of China. The great battles between the Iranian tribes and the Hun tribes was a matter the migration of Iranian tribes to West. The diplomacy mission to this tribes was the beginning of the Silk road.

Key words: saki, hunns, archeological, material, migration, tribe.